

УДК 811.163

DOI: 10.17223/19986645/66/9

Б. Сикимич, А.Н. Соболев

**ПРОЦЕССЫ ДИВЕРГЕНЦИИ В РАЗДЕЛЕННОМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕЙ
ЗАПАДНОЮЖНОСЛАВЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ
ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ И ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ)¹**

Рассматриваются процессы дивергенции в генетически едином торлакском диалекте, разделенном государственной границей между Сербией и Болгарией. Объектами исследования являются говор долины р. Тимок в Сербии и говор восточных склонов Стара-Планины (община Белоградчик в Болгарии). Сопоставительному анализу подвергаются транскрибированные тексты, отражающие устную спонтанную речь репрезентативных информантов, живущих в ситуации диглоссии с литературным языком.

Ключевые слова: балканославянские языки, торлакская диалектная зона, сербские диалекты, тимокский говор, болгарские диалекты, белоградчикский говор, старопланинский говор, идиолект носителя говора.

Введение

Приграничные диалекты современной Восточной Сербии и Западной Болгарии, входящие в так называемую торлакскую диалектную зону [1, 2], по своим историко-фонетическим и морфологическим особенностям (рефлекс прасл. **q* > *u*, совпадение рефлексов редуцированных, местоименная флексия 1Sg.Gen -*ga*, глагольная флексия 1Pl -*то* и др.) генетически относятся к западноюжнославянскому диалектному континууму [3], тогда как структурно-типологически (динамическое ударение, аналитическое маркирование грамматических ролей, грамматикализация показателя определенности, местоименная редупликация объектов и др.) входят в Балканский языковой союз [4]. На первом основании сербские лингвисты до 1945 г. причисляли их к диалектам сербского языка [5, 6], тогда как на втором основании болгарские лингвисты как в прошлом, так и в настоящее время относят их к болгарскому языковому ареалу [7–12]. В данной статье языковая принадлежность отдельных говоров региона определяется в зависимости от национального, т.е. сербского или болгарского, сознания их носи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-512-76002 ЭРА_а «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция». Авторы выражают глубокую признательность Д.В. Конёру за ряд ценных замечаний, способствовавших улучшению статьи. За все недочеты настоящей статьи ответственность несут исключительно авторы.

телей (о статусе языка официально признаваемого болгарского меньшинства в локальном законодательстве Сербии см. [13]).

Объектом исследования избраны два приграничных географически смежных локальных говора – говор долины р. Тимок и западных склонов Северо-Западной Стара-Планины (община Княжевац в Сербии) и говор восточных склонов Стара-Планины (община Белоградчик в Болгарии). Эти говоры в южнославянской диалектологии получили наименования «тимокско-заглавакский» с сербской стороны и «белоградчикский», или «старопланинский», – с болгарской [14. Bd. I. S. 396–397]. К этим двум говорам, системно различающимся инвентарями определенных постпозитивных артиклей¹, очевидно полностью применима квалификация «разделенный диалект», т.е. один диалект [Ibid. S. 15], носители которого проживают на территории, разделенной государственной границей (о терминологии и подходах к исследованию таких языковых ситуаций в современной германистике см. в новейшем идании [16]). Этот диалект в своей базовой форме имеет следующие характеристики в качестве важнейших: 1) прасл. **tj*, **ktj* > *č*, **dj* > *ž* (*sveča* ‘свеча’, *meža* ‘межа’); 2) прасл. **ь* = **ь* > *ə* (*dən* ‘день’, *sən* ‘сон’); 3) прасл. **q* > *u*; 4) флексия 1PI глаголов *-mo*; 5) аналитическое маркирование косвенного объекта; 6) аналитическое маркирование периферийных падежных отношений; 7) наличие постпозитивного определенного артикля на левом члене именной группы; 8) аналитический компаратив имен прилагательных; 9) местоименную редупликацию прямого и косвенного объекта; 10) факультативное опущение частицы конъюнктива (в традиционной грамматике – союза *da* ‘что, чтобы’) при модальных глаголах и формах футура; 11) сохранение старого места ударения и др.

Среди части носителей этого диалекта по обе стороны границы издавна бытует представление о единой самоидентификации в качестве особой южнославянской субэтнической группы *торлаков* [17–19]. В XXI в. это представление активно распространяется местной интеллигенцией (напр., в с. Миничево в Сербии и в г. Белоградчик в Болгарии) через локальные средства информации (см., например, [20]). Несмотря на фундаментальные различия исторических судеб населения в этих двух микрорегионах Сербии и Болгарии в течение последних двух столетий, такая самоидентификация находит свои основания в фактах генетического единства обоих говоров; единого традиционного уклада жизни, единой материальной и духовной традиционной культуры, а также прочных связей родства и свойства между местными жителями по обе стороны нынешней государственной границы. О современном демографическом, социальном, экономическом и культурном развитии здесь см. работы [21, 22].

¹ В регионе вокруг сербско-болгарской государственной границы мы различаем тимокско-заглавакский говор (*gl̩ta* ‘глотаёт’, *v̩lk* ‘волк’, 3 артикля – *-əv*, *-ət*, *-ən*); старопланинский говор (*gl̩ta*, *v̩lk*, 1 артикль – *-ət*); лужницко-знепольский говор (*gl̩ta*, *vuk*, 3 артикля); говор района Трынско-Краиште (*gl̩ta*, *vuk*, 1 артикль); говор района Кюстендилское Краиште (*gl̩ta*, *vuk*, 1 артикль).

Ранее в южнославянской диалектологии никогда не поднимался вопрос о том, является ли политическая граница, существующая в микрорегионе с 1833 г. с небольшими перерывами во время болгарской оккупации части территории Сербии в ходе обеих Мировых войн [7, 8], также и границей языковой. Даже напротив, в традиционном лингвогеографическом исследовании, имеющем целью обнаружить и представить базовую диалектную ситуацию (нем. Grundmundart ‘базовый говор’), корректная методология требует до определенного момента игнорировать политические различия [14. Bd. I. S. 23]. В отличие от описания синхронного состояния традиционного диалекта, *динамика развития* западноюжнославянских говоров по обе стороны сербско-болгарской границы никогда не была предметом научных исследований. Никогда не ставился вопрос о том, в какой степени современная языковая ситуация с каждой стороны границы является ситуацией *диглоссии*, при которой носители диалекта используют его преимущественно в тех функциональных сферах, которые не обязательно зарезервированы для литературного языка (такова ситуация в изданиях [20, 24, 25], где на диалекте публикуются исключительно тексты с юмористической и лирической функцией), а в какой – ситуацией *диаглоссии* [26, 27], при которой переходы между диалектной и литературной речью градуальны. В случае диглоссии дифференциация между двумя изучаемыми говорами, разделенными границей с 1833 г., не должна выходить за рамки градуального лингвогеографического (территориально обусловленного) варьирования, тогда как при диаглоссии различия между говорами были бы дериватом глубоких разноуровневых расхождений между сербским и болгарским литературными языками. При этом необходимо принять во внимание, что процессы дивергенции могут существенно по-разному проходить в письменной и в устной речи.

При изучении современной спонтанной речи на разделенном диалекте уже имеющиеся в науке лингвогеографические и иные диалектологические сведения по говорам Восточной Сербии и Западной Болгарии могут служить фоном для изучения ранее никогда не исследовавшихся признаков их дифференциации с учетом сходств и различий в языковых и культурных ситуациях в Восточной Сербии и Западной Болгарии. Для настоящего исследования релевантными являются следующие вопросы: дивергируют ли вообще отдельные говоры, приобретая эксплицитные маркеры «речи на сербском языке» и «речи на болгарском языке»; устраняются ли узколокальные варианты диалектных различий в пользу возможных региональных койне (восточносербских и западноболгарских соответственно); развиваются ли говоры адвергентно с соответствующими литературными нормами (это характеризует, например, диалектную ситуацию в Южной Германии) или консервируют базовое состояние, противопоставляя его норме (что характерно, например, для ситуации в Северной Швейцарии) [28. S. 237–239]? На сегодняшний день южнославянской диалектологии также неизвестно, в какой степени речь информантов отражает существенные различия между сербской и болгарской социолингвистической и культурной *ситуацией*, на протяжении почти двух веков в каждой стране по-

разному предопределявшей развитие в исследуемых приграничных регионах. Наконец, необходимо ответить и на вопрос, можно ли в XXI в. в условиях катастрофической депопуляции приграничных регионов обеих стран найти живых носителей традиционного торлакского диалекта?

В методологическом отношении важно оценить возможность и целесообразность различения для говоров региона так называемых «горизонтальных» диалектных различий, возникших в результате собственно территориального, локально ограниченного варьирования, и «вертикальных» противопоставлений, появившихся под воздействием литературных языков или (над)региональных койне (о постановке вопроса см. [29. С. 21–22]).

В настоящей статье ставится задача обнаружить и квалифицировать процессы дивергенции в разделенном западноюжнославянском торлакском диалекте по обе стороны сербско-болгарской государственной границы в районе Северо-Западной Стара-Планины на количественно и качественно сопоставимом материале *устной спонтанной речи* репрезентативных информантов. При отборе информантов для интервьюирования и сборе речевого материала применялись методы полевой лингвистики и синхронно-описательной диалектологии, при его анализе – методы фонетико-фонологического транскрибирования и историко-филологического анализа спонтанного устного текста. Материал исследования получен в ходе диалектологических экспедиций в Восточную Сербию в с. Старо Корито (2016 г.; интервью проведено с уроженкой соседнего с. Дрвник) и в Западную Болгарию в с. Чупреня (2018 г.; интервью проведено с уроженкой близкого с. Стакевци); в обоих случаях темой беседы с информантами являлась традиционная духовная культура. Репрезентативность речи обеих информанток обеспечена соблюдением традиционных критериев отбора носителей локального говора и хорошо документирована частотностью появления в ней фонетических, морфологических и лексических характеристик базового торлакского диалекта.

Лингвогеографический контекст исследования

Как демонстрируют лингвогеографические источники [14. Bd. 2], между вошедшими в сетку пунктов атласа восточносербским селом Градиште (сокр. Гр, п. атласа № 504) и ближайшим к нему западноболгарским селом Стакевци (сокр. Ст, п. атласа № 73), *de facto* совпадая с линией государственной границы, проходят изоглоссы, отражающие пространственное, так называемое «горизонтальное» распространение некоторых, часто лексикализованных диалектных различий. К ним относятся следующие явления:

судьба *j в сочетаниях со смычными согласными (Гр *grozje* ~ Ст *grozje/grozg'e* ‘виноград’, Гр *gosti* ~ Ст *gosje/gosk'e* ‘гости’, Гр *majka/majća* ~ Ст *majk'a* ‘мать’, Гр *brajća* ~ Ст *brajk'a/brak'e* ‘братья’);

судьба *j в вокалических сочетаниях (Гр *znaje/znae* ~ Ст *znae*);

рефлексы *h в позиции после /u/ (Гр *gluv* ~ Ст *glu* ‘глух(ой)’);

нейтрализация оппозиции /v/ ~ /f/ в ауслауте (Гр *glupav* ~ Ст *glupav/glupaf* ‘глупый’);

- переход /e/ > /o/ после шипящих (Гр *ovče* ~ Ст *ovčo* ‘овечье’);
 лексема ‘ручная пила’ Гр *trivon* ~ Ст *trəvon*;
 флексии мн.ч. существительных м.р. (Гр *snopovi/snopje* ~ Ст *snopove/snopje* ‘снопы’, Гр *svadbari* ~ Ст *svadbare* ‘сваты’, Гр *rukavi/rukave* ~ Ст *rukave* ‘рукава’);
 флексии мн.ч. существительных ср.р. (Гр *piliči* ~ Ст *piliča* ‘цыплята’);
 формы постпозитивного артикля (Гр *solat* ~ Ст *solta* ‘соль’_{DEF}, Гр *voloveti* ~ Ст *volovete* ‘волы’_{DEF});
 клитические формы личных местоимений (3Sg.F.Acc Гр *ju* ~ Ст *ju/g’u*; 3Sg.F.Dat Гр *je* ~ Ст *ju*, 3Pl.Dat Гр *im* ~ Ст *g’i/g’im*);
 полные формы личных местоимений (1Pl.Nom Гр *mi* ~ Ст *ni*);
 нейтрализация родовых противопоставлений во мн.ч. местоименных, адъективных и причастных форм (3Pl.N.Nom Гр *ona* ~ Ст *oni*; Гр N=/M ~ Ст N=M);
 формы указательных местоимений (M.Sg Гр *taj/tija* ~ Ст *tija*);
 частица футра 1Sg (Гр *ču* ~ Ст *če*);
 флексии имперфекта (1Sg Гр *beo*, *pleteo* ~ Ст *beše*, *pleteše*; 3Pl Гр *pereōše* ~ Ст *perešeu*);
 причастие на -l типа *padla* ‘упала’ (Гр отмечено ~ Ст не отмечено);
 частица прохибитива (Гр *nemoj* ~ Ст *nekaј*).

Системный вес многих из этих различий в целом невысок; в первую очередь и в подавляющем большинстве они отражают общее структурное давление и лексическое влияние сербского и болгарского языковых континуумов (в том числе литературных языков) на говоры тимокского и белоградчикского региона соответственно и не влияют на единство их торлакской диалектной базы. Речь идет об историко-фонетических и фонологических правилах дистрибуции ряда неустойчивых фонологических единиц, а также об инвентарях формообразующих морфем, изменяющихся под «вертикальным» воздействием на говоры. Важнейшими «горизонтальными» локальными регионализмами, свойственными только белоградчикскому (старопланинскому) говору, могли бы быть признаны утрата *h без субституции после /u/ (например, в *glu* ‘глухой’); формы имперфекта 1Sg *beše*, *pleteše* и 3Pl *perešeu*; частица прохибитива *nekaј*. Однако в единственном достоверно описанном говоре этого региона – говоре с. Ошане, близком к с. Стакевци, еще исследователями первой трети XX в. отмечены формы *gluo* ‘глух(ой)’, *mi* ‘мы’ и частица прохибитива *nemoј* [30], что вынуждает поставить вопрос, не являются ли картографированные в Болгарском диалектологическом атласе и без перепроверки в поле рекартографированные в ДАВСЗБ формы исследовательскими, возможно, лабораторными артефактами¹. В любом случае единственным структурно значимым различием является уже упомянутое наличие в сербском тимокско-заглавакском го-

¹ В болгарской диалектологии, занимающейся приграничными диалектами, известны случаи кабинетного создания фантомных изоглосс, долженствующих продемонстрировать как минимум «несербскость» исследуемых говоров [31–33].

воре трехчленной («пространственной»), а в болгарском белградчикском (старопланинском) – одночленной артиклевой морфемы, что позволяет разграничить тимокско-заглавакский и белградчикский (старопланинский) говоры как две разные лингвистические единицы – локальные говоры одного диалекта. Генетически релевантных различий между этими двумя говорами нет.

Материал экспериментального исследования

Ниже приводятся фонетико-фонологические транскрипции латиницей двух текстов на торлакском диалекте. В соответствии с двухсотлетней практикой славянского языкознания перевод текстов на язык настоящей публикации не предлагается.

Сербский тимокско-заглавакский говор. Место и время записи: с. Старо Корито, 27.08.2016. Информатор: N.N., уроженка соседнего с. Дрвник. Интервьюер: Биляна Сикимич. Тема беседы: олалия – масленичный ритуал обхода села с зажженными факелами. Объем нарратива: ок. 400 словоформ. Транскрипция: Биляна Сикимич, Андрей Н. Соболев. Опущены реплики информатора, не относящиеся к теме нарратива, а также стимулы вроде *ah'a*. Традиционное описание говора и дифференциальный словарь см. в [34, 35].

N.N. Pa, im'alo. 'Olalije... Nat'uraju u k'oš... u k'o:š, u t'ašku:, [u] kvo b'ilo, nat'uraju: sl'amu, pa uv'ržu da ne isp'ada, pa napr'ae m'o:tku, pa zabod'u u t'oj, u: sl'amutu, u k'ošat, pa t'ure... pa up'ale, pa t'ure na:, na=r'amo i n'ose niza sə^al'o. On'o gor'i:, on'i n'ose niza sə^al'o, niza sə^al'o, dec'a 'idu po t'i... p'ostari toj pra'ili, a dec'a išl'a po nj'i^h, dec'a išl'a po nj'i^h. I takv'o je bil'o...

B.S. A to prav'ili i u D'rvn'ik?

N.N. I:, pa svud'e:, i u D'rvni:k i, i ovd'e u Kor'ita kak'o sam došl'a, a i u D'rvnik im'alo.

B.S. I B'alinaс. I B'alinci? I...

N.N. M=ba, n'e=znam baž za 'olalijete u B'alinci, a ovd'e im'alo i u D'rvnik, u D'rvni:k im'a:lo, i ovd'eka im'alo 'isto.

B.S. A ot kakv'o se napr'avi t'oj, t'o, t'o od sl'amu 'ili?

N.N. S... sl'amu k'oš, k'oš ispl'eteno, pa smo tur'ali s'eno, pa smo tur'ali kot kr'ave sas, sas k'ošat. I: nap'elne, nap'el'ne ga sa sl'amu, pa ga t'ag v'žu ov'ak g'ore da ne isp'ada kad zam'etnu k'ošat na m'otkutu. On'i tag v'žu ga da ne isp'ada. I: up'ale ga i, ha, i n'ose niza sə^al'o, dec'a 'idu. 'Ali ko'i su t'oj nos'ili 'olalije, nos'ili on'ak mlad'ik'i 'ali p'o:, pov'eliki koj'i su, nes'u koj'i su m'anecka dec'a, 'a: m'ali 'idu po=nj'i, i m'i 'idemo po=nj'i^h, po 'olali:jete 'idemo, tak'oj se rad'elo kad smo bil'i:, kad je bil'o ran'ije.

B.S. A n'ije to 'opasno m'alo ta v'atra, da m'ož se zap'ali?

N.N. N'e! N'e, on'i ov'ak pr'oju po=p'ut, 'idu na po-, po=p'ut 'idu i: n'ema, on'o si gor'i:, pl'amen si ov'am 'ide, 'ali ne 'ide t'olko mn'ogo da zap'ali. I n'e:, n'e se n'ikada des'ilo n'išta da se up'ali.

B.S. 'A, po k'oj p'ut 'idu? El 'ima t'o n'ekvo da 'idu k'ao da i da obik'ole s'elo?

N.N. Sas 'olali:jete nes'u obiko^l'ali s'elo, a: k'at je: bil'o lit'ija:, on'i obikal^l'ali. On'am, on'am uz on'oj b'ŕdo iŝl'i:, pa g'ore sl'ezli u r'eku, g'ore ispodi B'alinaс u r'eku sl'eznu, pa 'idu g'or^e 'uz=bŕdo, isk'oče, preko p'ol'e, p'a g'ore r'edom, p'a t'am sl'eznu kot=k'ŕs što se zv'alo Tr'o:ica se zov'e, sl'eznu kot=k'ŕs^t, t'uj ruč'ak, t'uj m'u:zika, t'uj igr'a:nka, t'uj ves'e:l'e. I p'o:sle, t'aj zav'ečina je bil'a u sə^al'o, on'i pa p'osle sl'eznu ovd'e, ovd'e sl'eznu ov'am kod, kod m'ostav, t'uj igr'a:nka, t'uj 'omladina se sabr'ala ko'i sas kog'a, i tak'oj.

B.S. I dol'aze na g'osti?

N.N. A'u:, pa dol'aze, 'o:! Pa št'a g'o:sti: 'im... 'ima. G'osti mn'ogo dol'aze, p'a 'idu si ko čov'eka u k'uću, pa si t'uj r'učaju, t'uj sed'u: pa p'osle isk'oče t'am na igr'a:nku, t'uj. B'ilo je d'obro, sv'e je b'ilo d'obro.

Болгарский белоградчикский (старопланинский) говор. Место и время записи: с. Чупреня, 27.07.2018. Информатор: Тодорка Корчина, уроженка соседнего с. Стакевци. Интервьюер: Андрей Н. Соболев. Тема беседы: Медвежий день – календарный (30 ноября/13 декабря) ритуал «угощения» медведя [36, 37]. Объем нарратива: ок. 400 словоформ. Транскрипция: Дарья В. Конёр, Андрей Н. Соболев.

A.S. Za M'ečkin d'ən da ni k'ažeš.

T.K. Hm! M'ečkin dən... hm, hm, M'ečkin d'ən ja ne si spo... M'ečkin d'ən pri=n'as, su:, ə, okt... devet... sedamn'aesti, osamn'aesti, devetn'aesti janu'ari.

A.S. Trin'aesti dek'emvri.

T.K. Dek'emvri. E pa...

A.S. Za k'oren da mi k'ažeš.

T.K. Za?

A.S. Za k'oren.

T.K. K'oren? Kv^fo e k'oren?

A.S. K'oren ot kuk'urus.

T.K. Kuk'urus? Kuk'urus smo sad'ilii...

A.S. Ne, ne, č'ekaj! Kuk'urus nal'i 'ima k'oren?

T.K. Da:!

A.S. V'i kak mu v'ikate? K'oren ot kuk'urus?

T.K. K'oren, k'oren. K'oren.

A.S. Mam'ulka.

T.K. Mam'ulkata. Da, k'oren. Da, tak'a. Tak'a e po n'ašemu k'oren, da. Mam'ul ne sm'e dum'ali, k'oren. Kuk'urus, pos'adimo gə, porast'e i p'ušti k'orenət, zač... zač'epi, i p'ušti sv'ilu, tək'ovo, i v'eče k'at 'ima mleč... mleč'əс, 'ošte n'e uzr'el, bl'ak ə, a p'osle kat uzr'ee, v'eči m'ože p'oveče da se v'ari, da se dad'e na živ'otni 'ili: da se h'apə. K'oren, tək'a mə si mu d'umamo, k'oren. M'ože i da se v'ari i sə s'o:l, edn'i mu t'uru šik'e:r, z'ahar nal'i.

A.S. Š'ik'er, š'ik'er.

T.K. Š'ik'er, i:, i tək'a. A pred'i da uzr'e p'ušti ə tək'ava, k'atu kos'a na mom'iče svil'a i, i 'ako ste č'uli d'umu: “U: kos'ata i k'ato, k'ato svil'a!”, h'u:bava

tək'ava seedn'o sə šampo'an, a, tək'a. Ta tov'a sme se igr'ali k'ato dec'a, oskub'em, i b'aba me b'ije, št'o sam osk'ubla svil'utu, što ne m'oe da por'aste tæg'aj kuk'uruž³t. A ja s ju vjžem t'uka ta pr'aim b'ičove, b'ičove, pr'itka, b'ič. [Смеётся]. Ta. Ta M'ečkin d'an na t'oja d'an se ne, ne: rab'o:ti što m'ečka će ti ul'ezne i će ti ized'e st'okutu, i: d'eda t'ureše na... u tɾɫl'akə³t, u tɾɫl'akə³t t'uri t'am kuk'urus, 'ama str'ošen, nar'onen, a ne c'el ot ko... k'oren, nar'onen, i t'uri t'am: "N'a ti, m'ečko, m'ani mi živ'otnite, n'a ti ta j'eč, što t'i ob'ičaš, m'et n'emam, 'ama kuk'urus j'apni!". I tək'a nar'iča, 'e:, seedn'o d'al na, na m'ečkutu, omilostiv'il ju ta da ne jed'e živ'otnite, da ne ul'aze. A b'aba n'ema da rab'oti, m'ama n'ema da rab'oti, na t'ija d'an se ne plet'e, ne š'ije, d'a.

A.S. A da li e slož'il zrn'ata u pan'ičku?

T.K. U pan'ičku, u pan'ičku! I on'o tək'vaj z'eml'ena pan'ička, od gl'inu napr'aena, neglež...

A.S. T'in'u.

T.K. Ah'a, od t'in'u, da, neglež'osənə i t'uri t'am, ja si sp'omn'am kud'e t'očno na mest'oto, da l'i e dood'ila m'ečka, da li n'e, 'ama d'eda d'uma da nə... nəč'aska dec'a će mi..., št'o ja sam otr'asla pri, na koš'arutu pri ofc'ete, da. Ot uč'ilište pr'avo t'am, ot t'am na uč'ilište. 'I: on d'uma: "D'ecə, a m'i n'ekolko deč'ica, će mir'ujete nəč'əskə, n'ema da pr'aite p'akos, će 'e: ju, ej tam m'ečkata će d'ojde i će vi ized'e. Ne sal ofc'ete, 'ama i vas će ized'e".

A.S. A nes'i vižuv'ala da je j'ela m'ečkata...

T.K. A:, daj da mu [potr'eči te]. A b'aba se poz'asmeja, pa d'uma: "Jov'ane, št'o l'əžeš dec'utu?!". On d'uma: "N'e:, ne l'əžem, te m'ečkata izj'ela..." On s'igurno e prib'al zɾnc'ata na=stran'e i d'uma: "T'e, m'ečkata dood'ila nəč'əskə, nəl'i, 'i: iz'ela zɾn'ata, təj za t'oj tr'ebə də sl'ušəte". [Смеётся]. Lag'ali ni!

Анализ материала

Явления, релевантные для диалектологического анализа, представлены в обоих нарративах на всех языковых уровнях, от фонетического до лексического. В ходе анализа элементы более чем сорока диалектных различий, характерные для базового торлакского диалекта, были противопоставлены элементам диалектных различий, свойственным сербскому и болгарскому литературным языкам ((над)региональным восточносербскому и северо-западноболгарскому койне¹); результаты сведены в таблицу. Списки форм не являются исчерпывающими; точные количественные наблюдения в задачи работы не входили. Необходимо принять во внимание, что анализируемые тексты представляют собой лишь малые фрагменты достаточно продолжительных интервью и что в расширенном контексте хорошо документированы диалектные признаки, лишь случайно не встретившиеся в этих двух фрагментах.

¹ Вопрос о лингвистических признаках и социолингвистических характеристиках восточносербского и северозападноболгарского койне в настоящее время исследован совершенно недостаточно. Из признаков первого назовем здесь динамическое ударение, аналитизм имени и замещение инфинитива конъюнктивом; второе характеризуется последовательно экавским рефлексом ятя.

Ряд текстообразующих, фонетических и морфологических структур и явлений, обусловленных спонтанностью устной речи информантов, нерелевантны для анализа противопоставляемых языковых микросистем. К такому относятся эмфатические долготы (Ст. Кор./Др. *u k'o:š, m'o:tku, u t'ašku:, nat'uraju:, u: sl'amutu* и др.; Чупр./Ст. *s'o:l, šik'e:r, h'u:bava, rab'o:ti, 'ili:, ne:* и др.) и хезитации (Ст. Кор./Др. *pa št'a g'o:sti: 'im... 'ima;* Чупр./Ст. *mleč... mleč'ac, ko... k'oren*). Отмечены и незначительные редукции безударных гласных, не приводящие к изменениям в правилах дистрибуции фонем. Фонетические различия между рядом сербских (палатальными сонантами λ и λ , среднеевропейским I) и болгарских звуков (I^j и p^j и I) в транскрипции не принимаются во внимание; используются символы I^j , p^j и I .

Сводная таблица

Тимокско-заглавакский говор с. Дрвник (Старо Корито)		Диалектное различие	Белоградчикский (старопланин- ский) говор с. Стакевци (Чупреня)	
«Сербская» реализация	Торлакская реализация		Торлакская реализация	«Болгарская» реализация
<i>n'e=znam</i>	<i>dec'a, sã'l'o, zav'ecina, on'i, sed'u:, išl'a, im'alo, svud'e:</i>	Место ударения	<i>sv'ilu</i>	<i>svil'a</i>
<i>k'uću, mlad'iki, zav'ecina</i>		Рефлексы *tj	<i>nəč'aska, če</i>	
		Рефлексы *dj	<i>neglež'osənə, ječ /je/</i>	
	<i>put, sl'amu, m'otkutu, v'žžu, ju, nes'u, sl'eznu</i>	Рефлексы *q	<i>sv'ilu, d'umu, gl'inu, svil'utu, st'okutu, koš'arutu, dec'utu, t'uru</i>	
<i>ruč'ak, sabr'ala se, t'ag, k'at, baš</i>	<i>m'anecka</i>	Рефлексы *ь, *ь	<i>mleč'ac, M'ečkin d'ən, d'ən, nəč'aska</i>	
	<i>sv'e, svud'e:</i>	Корень *vьсь		<i>s'e=edno, seedn'o</i>
	<i>uv'žžu, uz, u</i>	Инициальное *vъ	<i>ul'ezne, ul'aze, u</i>	
	<i>pr'ojudu</i>	-jd-		
		l-epentheticum	<i>z'eml'ena</i>	
	<i>uv'žžu, D'rvnik, b'ždo, k'žs</i>	г	<i>v'žžem, t'žl'akət, z'žnc'ata, z'žn'ata</i>	
	<i>nap'əlne</i>	!		
<i>pov'eliki</i>		Наличие и отсутствие палатализаций в <i>ki</i> , <i>gi</i> и т.п.		<i>M'ečkin</i>
<i>po=nj'ih</i>	<i>po=nj'i</i>	Наличие и отсут- ствие <i>h</i>	<i>dood'ila, j'apni</i>	<i>da se h'apə, z'ahar, h'u:bava</i>
	<i>'olalijete, ran'ije</i>	Сохранение или утрата <i>j</i> в позиции перед <i>e</i>	<i>b'ije, š'ije; uzr'ee ~ uzr'e, seedn'o, če mir'ujete</i>	
	<i>napr'ae, pra'ili</i>	Элизии	<i>m'oe, pr'aim,</i>	

Тимокско-заглавакский говор с. Дрвник (Старо Корито)		Диалектное различие	Белоградчикский (старопланин- ский) говор с. Стакевци (Чупреня)	
«Сербская» реализация	Торлакская реализация		Торлакская реализация	«Болгарская» реализация
			<i>napr'aena</i>	
	<i>kʲs</i>	Упрощение финаль- ных групп соглас- ных	<i>p'akos</i>	
		Финальнослововое -l	<i>pribr'al, uzr'el, d'al, omilostiv'il, pribr'al; s'o:l; c'el</i>	
	<i>sə^al'o</i>	Редукция безудар- ных гласных сред- него ряда		<i>v'eči ~ v'eče, šik''er</i>
		Нейтрализация про- тивопоставления /e/ ~ /a/ после (истори- чески) мягких и шипящих		<i>t'ureše</i>
		Нейтрализация про- тивопоставления глухих и звонких в абсолютном конце слова		<i>kuk'urus, kat, bl'ak, j'eč; ср. обобщение ot- в otr'asla</i>
	<i>ta^k'oj</i>	Прогрессивное оглушение /v/	<i>kv'o</i>	
	<i>(v'ržu) ga</i>	Асс. 3Sg	<i>(pos'adimo) gə</i>	
		Косвенный объект (сущ.)	<i>d'al na m'ečkutu</i>	
инструментал <i>r'edom</i>	генитив <i>kod m'ostav</i> ; ин- струментал <i>sas k'ošat</i> ; локатив <i>u sə^al'o</i>	Периферийные па- дежные формы	локатив <i>po n'ašetu</i>	
<i>ran'ije</i>	<i>p'ostari, pov'eliki</i>	Формы компаратива		
	<i>on'i</i>	Личные местоиме- ния	<i>ja, mi, on</i>	
		Датив личных ме- стоимений в посес- сивной функции (вне терминов род- ства)		<i>kos'ata i, в ци- тате</i>
	ср.п. <i>t'oj, on'oj</i>	Указательные местоимения	м.п. <i>t'ija</i> ср.п. <i>t'oj</i>	м.п. <i>t'oja</i>
	<i>k'ošat, m'otkutu, 'olali:jete; m'ostav kad zam'etnu k'ošat na</i>	Определенный артикль	<i>k'orenət, kuk'uruzə^at, tʃ'l'akə^at, mest'oto, m'ečkata, m'ečkutu, svil'utu, st'okutu,</i>	

Тимокско-заглавакский говор с. Дрвник (Старо Корито)		Диалектное различие	Белоградчиккий (старопланин- ский) говор с. Стакевци (Чупреня)	
«Сербская» реализация	Торлакская реализация		Торлакская реализация	«Болгарская» реализация
	<i>m'otkutu ~ p'a t'am sl'eznu kot=k'ɽs# što se zv'alo Tr'o:ica se zov'e, sl'eznu kot=k'ɽs#</i>		<i>koš'arutu, dec'utu, živ'otnite, ofc'ete, zɽnc'ata porast'e i p'ušti k'orenat, zač'epi, i p'ušti sv'ilu#</i>	
	<i>'idemo</i>	1PI Praes	<i>pos'adimo, d'umamo</i>	
	<i>nes'u</i>	Формы глагола esse	<i>Kuk'urus smo sad'ili.</i>	<i>Mam'ul ne sm'e dum'ali. Ta tov'a sme se igr'ali k'ato dec'a.</i>
	<i>on'o si gor'i; pl'amen si ov'am 'ide; p'a 'idu si ko čov'eka u k'uću, pa si t'uj r'učaju, t'uj sed'u.</i>	Dat. refl.	<i>tək'a mə si mu d'umamo; ja s ju vɽžem; ja si sp'omn'am</i>	
		Формы футура	<i>m'ečka će ti ul'ezne i će ti ized'e st'okutu; će mir'ujete năč'askă; m'ečkata će d'ojde i će v'i ized'e; i vas će ized'e</i>	
		Футур при отрица- нии		<i>A b'aba n'ema da rab'oti, m'ama n'ema da rab'oti; n'ema da pr'aite p'akos</i>
		Модальные глаголы		<i>m'ože p'oveče da se v'ari; ob'ićaš</i>
	<i>kad je bil'o ran'ije tak'oj se rad'elo</i>	Перфект 3 л.	<i>on s'igurno e pribr'al zɽnc'ata na stran'e</i>	
	<i>a i u D'rvnik im'alo; on'am uz on'oj b'ɽdo išl'i; pa g'ore sl'ezli u r'eku</i>	Перфект 3 л. без вспомогательного глагола	<i>seedn'o d'al na, na m'ečkutu, omilostiv'il ju</i>	
		Ренарратив		<i>d'uma t'e, m'ečkata dood'ila</i>

Тимокско-заглавакский говор с. Дрвник (Старо Корито)		Диалектное различие	Белоградчикский (старопланин- ский) говор с. Стакевци (Чупреня)	
«Сербская» реализация	Торлакская реализация		Торлакская реализация	«Болгарская» реализация
				<i>nəč'askə, nəl'i, 'i: iz'ela zrn'ata</i>
<i>kad zam'etnu k'ošat na m'otkutu</i>		(Не)удвоение пря- мого объекта (сущес- ствительное)		<i>i p'ušti 'k'orenət; št'o sam osk'ubla svil'utu; če ti ized'e st'okutu; m'ani mi živ'otnite; da ne jed'e živ'otnite</i>
		(Не)удвоение пря- мого объекта (ме- стоимение)		<i>i vas če ized'e</i>
		(Не)удвоение кос- венного объекта (существительное)		<i>d'al na m'ečkutu</i>
		Изъяснительный и причинный союз		<i>če (n'ema da pr'aite p'akos, če 'ee ju, ej tam m'ečkata)</i>
<i>rad'elo se</i> ‘ра- ботали’, <i>des'ilo se</i> ‘случилось’, <i>pov'eliki</i> ‘по- больше’, <i>k'ao</i> ‘как’, <i>kat</i> ‘ко- гда’, <i>n'ikada</i> ‘никогда’, <i>'isto</i> ‘то же самое’	<i>'olalije</i> ‘факел- лы’, <i>t'aški:</i> ‘сумку’, <i>pl'amen</i> ‘пла- мя’, <i>m'anecka</i> ‘маленькая’, <i>uv'ǝžu</i> ‘завя- жут’, <i>isk'oče</i> ‘выйдуи’, <i>kakv'o</i> ‘что’, <i>takv'o</i> ‘такое’	Лексика	<i>st'okutu</i> ‘скот’, <i>panička</i> ‘дере- вянная миска’, <i>nəl'i ~ nel'i</i> ‘не так ли’, <i>dood'ila</i> ‘приходила’, <i>za t'oj</i> ‘поэтому’, <i>p'osle kat</i> ‘после’	<i>živ'otni</i> ‘скот’, <i>zač'epi</i> ‘зачать’, <i>ob'ičaš</i> ‘лю- бить’, <i>edn'i</i> ‘некоторые’, <i>'ošte</i> ‘еще’, <i>k'atu</i> ‘как, вроде’, <i>seedn'o</i> ‘как, вроде’, <i>t'očno</i> ‘точно’

Заключение

Краткость обоих нарративов по 400 словоформам и невысокая вероятность встретить в каждом из них каждое из нескольких десятков рассматриваемых диалектных различий не мешают нам прийти к заключению, что речь обеих наших информанток обладает совершенно достаточным и необходимым набором перечисленных в начале статьи дифференциальных признаков, позволяющих квалифицировать этот дискурс именно как *речь на торлакском диалекте*. Такая речь еще бытует в Восточной Сербии и Западной Болгарии, несмотря на ее стигматизацию в современном сербском и болгарском обществе. Эти признаки в фонетике (старое место ударения, рефлексy *tj, *dj, *o, *ь=ъ, *vъ, *-dj-, l-epentheticum, ǝ, l) и морфологии (аналитизм имени с флективными архаизмами; аналитический компаратив; Асс. 3Sg *ga*; формы личных местоимений *ja, mi, on*; формы указательных местоимений *toj* и др.; постпозитивный артикль; 1Pl.Praes на *-mo*;

формы глагола *esse smo* и др.; Dat. refl. и др.) наглядно демонстрируют, что мы имеем дело с живыми носителями двух говоров традиционного, т.е. базового торлакского, диалекта, число которых, по всей видимости, в настоящее время как в Восточной Сербии, так и в Западной Болгарии чрезвычайно невелико. Обнаружение подобных информантов, и в особенности информантов, живущих в ситуации *диглоссии* с литературным языком, а также фиксация их спонтанной речи на местном говоре, несмотря на трудность подобного предприятия в ныне практически лишенных постоянного населения труднодоступных местностях, становится актуальнейшей и ответственной задачей современной южнославянской диалектологии. Именно такая речь может и должна служить основой сравнения при анализе языковой вариативности в регионе.

На фоне единой диалектной базы очевидными становятся результаты дивергентного развития двух разделенных государственной границей говоров. При этом как материалы лингвогеографических источников XX в., так и результаты анализа двух текстов, записанных в настоящее время, свидетельствуют о том, что «горизонтальные» различия между говорами разделенного диалекта отсутствуют. Дивергенция во всех подвергнутых анализу случаях отражает не локальное специфическое развитие, обусловленное коммуникативной изоляцией района распространения отдельного говора от соседних, а воздействие литературных языков и/или (над)региональных койне на местные говоры, т.е. они являются «вертикальными». Это свидетельствует об адвергентном развитии каждого из двух говоров со своей, соответственно сербской и болгарской, национальной нормой. Оно заметно уже на двух не анализировавшихся в рамках настоящей статьи уровнях – артикуляционно-фонетическом и на фонологическом, где в речи сербов регулярны [ć], [đ], [ɫ], [λ], [ɲ], отсутствие редукций [e] > [i], [o] > [u], редкость нейтрализации звонких и глухих согласных в ауслауте, тогда как в речи болгар – [kʰ], [gʰ], [tʰ], [pʰ], [tʰ], наличие редукций и исключительная редкость звучания звонкого согласного в абсолютном финале слова.

Влияние сербского литературного языка на тимокский говор представляет собой лексикализованный импорт: акцентные ретракции (*n'e=znam*); фонема /h/ (в местоименной форме *njih*); рефлекс *tj (*mlad'ik'i*); рефлекс *ъ = *ь (*ruč'ak, kat, baš*); флексивные падежные формы (*r'edom*); синтетические формы компаратива (*ran'ije*); ряд лексических единиц. Структурное влияние можно усматривать в отсутствии новейших палатализаций (в *ki, gi* и т.п.). Влияние болгарского литературного языка на белградчикский, или старопланинский, говор намного интенсивнее и более разнопланово. Лексикализованными можно признать такие его результаты, как фонема /h/ (*h'apə, z'ahar, h'u:bava*); корень *vьсь (*seedn'o*); указательные местоимения (м.р. *t'oja*); формы глагола *esse (sme)*; футур при отрицании с *n'ema*; модальный глагол *ob'iča*; изъяснительный и причинный союз *če*; ряд лексических единиц. Структурное влияние отражают редукции безударных гласных среднего ряда (*v'eči, šik'er*); нейтрализации противопоставлений /e/ ~

/a/ (*t'ureše*) и глухих / звонких в абсолютном конце слова (*kuk'urus*, *kat*, *blak*, *ječ*); отсутствие новейших палатализаций (в *ki*, *gi* и т.п.); датив личных местоимений в посессивной функции вне терминов родства (*kos'ata i*); ренарратив. Разумеется, лексический уровень – ярчайший индикатор степени подверженности говора внешнему влиянию, в том числе и в случаях, когда такое влияние изменяет саму диалектную базу говора (см. лексикализацию рефлекса **vъsъ* в его болгарской форме).

Глубинные явления, изменяющие как языковую ситуацию на ситуацию диалогии с литературным языком, так и саму диалектную базу и, следовательно, классификационный статус диалекта и его говоров в семье славянских языков, полезно отличать от явлений поверхностных, не затрагивающих генетической характеристики говора и фундаментальных характеристик языковой ситуации. И первые и вторые могут быть системными, иметь большой или малый охват. К первым относятся в первую очередь регулярные замещения диалектных рефлексов праславянских фонетических и морфологических единиц их литературными соответствиями (чего мы в речи наших информантов не наблюдаем), ко вторым – неизбежное фонетико-фонологическое, лексическое и дискурсивно-прагматическое влияние (см., например, характерное для речи болгарских торлаков проникновение в говор /h/; рост частотности /ki/ и /gi/; рост частотности футура при отрицании с *n'eta*; изъяснительный и причинный союз *če*). При этом синтаксические явления, характерные как для базового торлакского диалекта (нем. Grundmundart), так и для речевой деятельности его современных носителей, еще только начинают привлекать внимание исследователей [38, 39].

Можно заключить, что политическая граница между Сербией и Болгарией, ограничив коммуникацию торлаков соответственно либо сербским, либо болгарским национальным сообществом и создав две ситуации разнонаправленной диалогии, привела к разделению исторически единого сообщества носителей на отчетливо противопоставленные сербскую и болгарскую части. В настоящее время лишь единичные носители базового диалекта консервируют его традиционное состояние, пользуются им как основным средством устного спонтанного бытового общения и живут как минимум частично в ситуации диалогии с сербским или болгарским литературным языком. На фоне отсутствия географического, т.е. локально обусловленного, «горизонтального» варьирования между сербской и болгарской частью базового диалекта в прошлом и в настоящем становится очевидным, что дезинтеграция диалекта на сербскую и болгарскую части, т.е. обретение эксплицитных маркеров «речи на сербском языке» и «речи на болгарском языке», есть следствие «вертикальных» противопоставлений и расхождений между сербским и болгарским литературными языками, различий между сербской и болгарской языковой и культурной ситуацией.

Литература

1. Ivić P. Die serbokroatischen Dialekte: ihre Struktur und Entwicklung. 's-Gravenhage : Mouton, 1958. 325 p.

2. *Lisac J.* Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja. Zagreb : Golden marketing – Tehnička knjiga, 2003. 168 s.
3. *Ivić P.* Celokupna djela. X / 2. Rasprave, studije, članci. 2. O dijalektologiji. Priredio Slobodan Remetić. Sremski Karlovci, Novi Sad : Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2018. 337 s.
4. *Цыхун Г.* Типологические проблемы балканославянского ареала. Минск : Наука и техника, 1981. 238 с.
5. *Belić A.* Dijalekti Istočne i Južne Srbije. Beograd : SANU, 1905. 715 str.
6. *Belić A.* Shtokavski dijalekat // St. Stanojević (ur.). Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenska. Knjiga IV. Zagreb : Bibliografski zavod, 1929. S. 1064–1077.
7. *Младенов С.* Българския елемент в Моравската област // Петров, Петър Хр. (Съст.). Научна експедиция в Македония и Поморавието 1916. София : ВИК «Св. Георги Победоносец» : УИ «Св. Климент Охридски», 1993. С. 190–193.
8. *Цонев Б.* Научно пътешествие из Поморавия и Македония // Петров, Петър Хр. (Съст.). Научна експедиция в Македония и Поморавието 1916. София : ВИК «Св. Георги Победоносец» ^ УИ «Св. Климент Охридски», 1993. С. 151–158.
9. *Тодоров Ц.* Северозападните български говори // Сборник за народни умотворения и народопис. София : БАН, 1936. Кн. 41. 543 с.
10. *Кочев И.* (Отг. ред.). Български диалектен атлас. Обобщаващ том. I–III. Фонетика. Акцентология. Лексика. София : Труд, 2001. 538 с.
11. *Тетовска-Троева М.* (Отг. ред.). Български диалектен атлас. Обобщаващ том. IV. Морфология. София : Проф. Марин Дринов, 2016. 247 с.
12. *Sedakova I.* Borders in Bulgaria in the Light of Areal Ethnolinguistics // Kamusella, Tomasz; Nomachi, Motoki; Gibson, Catherine (Eds.). The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders. Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 376–393.
13. *Катунин Д.А.* Болгарский язык в современном законодательстве Республики Сербия // Русин. 2016. № 4 (46). С. 252–263. DOI: 10.17223/18572685/58/16
14. *Sobolev A.N.* Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. 1. Problemstellung, Materialien und Kommentare, Kartenanalyse. XIV, 420 S. Bd. 2. Karten. VII, 300 S. Bd. 3. Texte. 328 S. Marburg : Biblion Verlag, 1998.
15. *Sobolev A.N.* Theoriebildung in der Dialektologie: historisch-vergleichende Beschreibung. In: Karl Gutschmidt, Sebastian Kempgen, Tilman Berger, and Peter Kosta (eds.), The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation. Berlin : Mouton de Gruyter, 2014. Vol. 2. P. 2067–2074.
16. *Paliwoda N. Sauer, V. Sauermilch, S.* Hg. Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2019. 254 S.
17. *Живковић В.В.* Торлак. Пирот : Народна библиотека, 1994. 117 с.
18. *Крстић Д.* Етно-културне разлике између Торлака у Србији и Торлака у Бугарској // Гласник Етнографског музеја у Београду. 2004. № 68. P. 139–153.
19. *Каменова-Борин А.* Торлаците в Северозапада // Народната култура на балканджиите / съст. А. Гоев. Т. 8: Етър. Габрово, 2010. С. 71–83.
20. *Торлак:* лист Завичајног друштва Тимочана-Торлака. Минићево. URL: <http://digitalnazbirka.biblio-knjazevac.org/novine-i-casopisi/r1>
21. *Горуновић Г.* Стакевици, планинско село у пограничној зони: социо-културно стање села у процесу транзиције// Гласник Етнографског музеја у Београду. 2006. № 70. С. 195–214.
22. *Тирковић С.* (Ур.). Тимок. Теренска истраживања 2015–2017. Књажевац : Народна библиотека, 2018. 243 с.
23. *Smits T.F.H.* Die Grenzdialekte des Deutschen // Paliwoda, Nicole; Sauer, Verena; Sauermilch, Stephanie. Hg. Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2019. S. 31–54.

24. Веселинов Л. Популярен автентичен турлашки речник. Белоградчик, 2019. 344 с. 2 доп. изд.
25. Веселинов Л. Ждребче: избрани турлашки разкази. Белоградчик, 2019. 220 с.
26. Bellmann G. Between Base Dialect and Standard Language // *Folia Linguistica*. 1998. № 32/1–2. P. 23–34.
27. Rutten G. Historicizing diaglossia // *Journal of Sociolinguistics*. 20/1. P. 6–30.
28. Schwarz C. Der Einfluß der Deutsch-Schweizer Grenze auf das alemannische Dialektkontinuum // Palliwoda, Nicole; Sauer, Verena; Sauermilch, Stephanie. Hg. Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2019. S. 227–248.
29. Purschke C. Vom Sprechen zur Sprache. Versuch über die variationslinguistische Praxis des Begrenzens // Palliwoda, Nicole; Sauer, Verena; Sauermilch, Stephanie. Hg. Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2019. S. 9–30.
30. Берберска А. Говорът на с. Ошане (Белоградчишко) // Известия на Семинара по славянска филология. София, 1931. Кн. 7. С. 79–119.
31. Божков Р. Димитровградският (царибродският) говор. София : БАН, 1984. 193 с.
32. Соболев А.Н. О неким јужнословенским говорним оазама у источној Србији, западној Бугарској и Румунији (Вратарница, Ново село, Свиница) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 1995. № 38/2. С. 183–207.
33. Соболев А.Н. Тимочко-лужнички говори у јужнословенској ч, ц-зони// Говори призренско-тимочке области и суседних дијалеката : зборник радова са научног скупа. Нишка Бања, Јуни 1992. Ниш, 1994. С. 85–105, 234.
34. Станојевић М. Северно-тимочки дијалекат (Прилог дијалектологији источне Србије) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1911. Књ. 2. С. 360–463.
35. Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд : Институт за српски језик САНУ, 2008. 921 с.
36. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М. : Индрик, 2004. 767 с.
37. Трефилова О.Н. Этнолингвистические материалы из с. Стакевцы, район г. Белоградчика (Северо-Западная Болгария) // Исследования по славянской диалектологии. М., 2004. С. 354–398.
38. Милорадович С. Именная объектная редупликация в сербских народных говорах: статус, условия реализации и балканский контекст // *Slavia Iaponica*. 2019. № 22. С. 227–246.
39. Станковић Д.В. О именичкој деκлинацији у говорима призренско-тимочке дијалекатске области // Баштина. Приштина – Лепосавић. 2020. № 50. С. 1–16.

Divergence Processes in the West South Slavic Dialect Divided by the State Border (Based on the Modern Dialect Speech of Eastern Serbia and Western Bulgaria)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 66. 158–176. DOI: 10.17223/19986645/66/9

Biljana Sikimić, Institute for Balkan Studies of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia). E-mail: Biljana.Sikimic@bi.sanu.ac.rs

Andrey N. Sobolev, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sobolev@staff.uni-marburg.de

Keywords: methods in dialectology, Balkan Slavic languages, Torlak dialect zone, dialects of Serbian, Timok idiom, dialects of Bulgarian, Belogradčik idiom, Stara Planina idiom, individual idiolect.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-512-76002.

Parts of Eastern Serbia and Western Bulgaria speak a so-called Torlak dialect divided by the state border. The authors of the study aim to determine whether the state border that has existed in the microregion since 1833 is also a language border. There was no data on whether modern linguistic situations are situations of diglossia or diaglossia, and their extent; on the role of the so-called “horizontal” differences resulting from territorial variation and “vertical” differences influenced by the standard languages or regiolects; on whether individual dialects diverge, develop advergently with the standards, or preserve their basic state opposing it to the norm. The object of the study is two geographically adjacent local border idioms spoken in the Timok River valley and the western slopes of the North-West Stara Planina (Knjaževac, Serbia) and in the eastern slopes of the Stara Planina (Belogradčik, Bulgaria), respectively called Timok-Zaglavak in Serbia and Belogradčik, or Stara Planina in Bulgaria. The authors detect and classify divergence processes in the dialect on quantitatively and qualitatively comparable material of spontaneous oral speech of representative informants; the speech samples are published. The authors used methods of field linguistics and synchronic descriptive dialectology to select informants for interviewing and collecting speech material, and methods of phonetic/phonemic transcription and historical-philological analysis of spontaneous oral text to analyse the material. In the course of the analysis, elements of more than forty dialectal differences characteristic of the basic Torlak dialect were contrasted with elements of dialectal differences characteristic of Serbian and Bulgarian standard languages or (supra-)regional East Serbian and North-West Bulgarian koiné. The analysis shows that the Torlak dialect is still spoken in Eastern Serbia and Western Bulgaria, that there are no “horizontal” differences between the idioms of the dialect, and that the two idioms develop divergently. Divergence reflects the impact of standard languages and/or (supra-)regional koiné, and each dialect develops advergently with its own, Serbian and Bulgarian respectively, national norms. The political border between Serbia and Bulgaria, limiting the communication of the Torlaks to either the Serbian or the Bulgarian national communities, respectively, and creating two situations of differently directed diaglossia, caused the division of the historically united community of dialect speakers into the clearly opposed Serbian and Bulgarian parts.

References

1. Ivić, P. (1958) *Die serbokroatischen Dialekte: ihre Struktur und Entwicklung*. 's-Gravenhage Mouton.
2. Lisac, J. (2003) *Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja*. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga.
3. Ivić, P. (2018) *Celokupna dela* [Collected Writings]. X/2. 2. Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.
4. Tsykhun, G. (1981) *Tipologicheskie problemy balkanoslavyanskogo areala* [Typological Problems of the Balkan Slavic Area]. Minsk: Nauka i tekhnika.
5. Belić, A. (1905) *Dijalekti Istočne i Južne Srbije*. Belgrade: SASA.
6. Belić, A. (1929) Shtokavski dijalekat. In: St. Stanojević (ed.) *Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenska*. Vol 4. Zagreb: Bibliografski zavod. pp. 1064–1077.
7. Mladenov, S. (1993) Balgarskiya element v Moravskata oblast [Bulgarian element in the Moravian region]. In: Petrov, P.K. (ed.) *Nauchna ekspeditsiya v Makedoniya i Pomoraviето 1916* [Scientific Expedition to Macedonia and Pomoraviето 1916]. Sofia: VIK “Sv. Georgi Pobedonosets”, UI “Sv. Kliment Okhridski”. pp. 190–193.
8. Tsonev, B. (1993) Nauchno pateshestvie iz Pomoraviya i Makedoniya [Scientific travel from Pomoravia and Macedonia]. In: Petrov, P.K. (ed.) *Nauchna ekspeditsiya v Makedoniya i Pomoraviето 1916* [Scientific Expedition to Macedonia and Pomoraviето 1916]. Sofia: VIK “Sv. Georgi Pobedonosets”, UI “Sv. Kliment Okhridski”. pp. 151–158.
9. Todorov, Tz. (1936) Severozapadnite balgarski govori [Northwestern Bulgarian dialects]. In: *Sbornik za narodni umotvoreniya i narodopis* [Collection of Creations of Folk Mind and Folk Writings]. Vol. XLI. Sofia: BAS.

10. Kochev, I. (ed.) (2001) *Balgarski dialekten atlas* [Bulgarian Dialect Atlas]. Vols 1–3. Sofia: Trud.
11. Tetovska-Troeva, M. (ed.) (2016) *Balgarski dialekten atlas*. [Bulgarian Dialect Atlas]. Vol. 4. Sofia: Prof. Marin Drinov.
12. Sedakova, I. Borders in Bulgaria in the Light of Areal Ethnolinguistics. In: Kamusella, T., Nomachi, M. & Gibson, C. (eds) *The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan. pp. 376–393.
13. Katunin, D.A. (2016) The Bulgarian language in the current laws of Serbia. *Rusin*. 4 (46). pp. 252–263. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/58/16
14. Sobolev, A.N. (1998) *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens*. Vols 1–3. Marburg: Biblion Verlag.
15. Sobolev, A.N. (2014) Theoriebildung in der Dialektologie: historisch-vergleichende Beschreibung. In: Gutschmidt, K. et al. (eds) *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 2067–2074.
16. Palliwoda, N., Sauer, V. & Sauermilch, S. (eds) (2019) *Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum*. Berlin; Boston: de Gruyter.
17. Živković, V.V. (1994) *Torlak*. Pirot: Narodna biblioteka.
18. Krstić, D. (2004) Etno-kulturne razlike između Torlaka u Srbiji i Torlaka u Bugarskoj [Ethno-cultural differences between Torlak in Serbia and Torlak in Bulgaria]. *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*. 68. pp. 139–153.
19. Kamenova-Borin, A. (2010) Torlatsite v Severozapada [Torlaks in the Northwest]. In: Goev, A. (ed.) *Narodnata kultura na balkandžiite* [Folk Culture of the Balkan Mountains]. Vol. 8. Gabrovo: Etar. pp. 71–83.
20. Krstić, D. (2003) *Torlak: list Zavichajnog drustva Timochana-Torlaka* [Torlak: newspaper of the regional Timochan-Torlak local history society]. [Online] Available from: <http://digitalnazbirka.biblio-knjazevac.org/novine-i-casopisi/rl>.
21. Gorunović, G. (2006) Stakevsi, planinsko selo u pograničnoj zoni: sotsio-kulturno stanje sela u procesu tranzitsije [Stakevci, a mountain village in the border zone: the socio-cultural state of the village in the process of transition]. *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*. 70. pp. 195–214.
22. Čvirković, S. (ed.) (2018) *Timok. Terenska istraživanja 2015–2017* [Timok. Field Research 2015–2017]. Knjaževac: Narodna biblioteka.
23. Smits, T.F.H. (2019) Die Grenzdialekte des Deutschen. In: Palliwoda, N., Sauer, V & Sauermilch, S. (eds) *Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum*. Berlin; Boston: de Gruyter. pp. 31–54.
24. Veselinov, L. (2019) *Populyaren avtentichen turlashki rechnik* [Popular Authentic Torlak Dictionary]. 2nd ed. Belogradčik: [s.n.].
25. Veselinov, L. (2019) *Zhdrebche: izbrani turlashki razkazi* [Zhdrebche: Selected Torlak Stories]. Belogradčik: [s.n.].
26. Bellmann, G. (1998) Between Base Dialect and Standard Language. *Folia Linguistica*. 32/1–2. pp. 23–34.
27. Ruten, G. (2016) Historicizing diaglossia. *Journal of Sociolinguistics*. 20/1. pp. 6–30.
28. Schwarz, C. (2019) Der Einfluß der Deutsch-Schweizer Grenze auf das alemannische Dialektkontinuum. In: Palliwoda, N., Sauer, V & Sauermilch, S. (eds) *Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum*. Berlin; Boston: de Gruyter. pp. 227–248.
29. Purschke, C. (2019) Vom Sprechen zur Sprache. Versuch über die variationslinguistische Praxis des Begrenzens. In: Palliwoda, N., Sauer, V & Sauermilch, S. (eds) *Politische Grenzen – sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und*

wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum. Berlin; Boston: de Gruyter. pp. 9–30.

30. Berberska, A. (1931) Govorat na s. Oshane (Belogradchishko) [A conversation in Oshane village (Belogradčik)]. *Izvestiya na Seminara po slavyanska filologiya*. 7. pp. 79–119.

31. Bozhkov, R. (1984) *Dimitrovgradskiyat (tsaribrodskiyat) govor* [Dimitrovgrad (Tsaribrod) Dialect]. Sofiya: BAS.

32. Sobolev, A.N. (1995) O nekim juzhnoslovenskim govornim oazama u istočnoj Srbiji, zapadnoj Bugarskoj i Rumuniji (Vratarnitsa, Novo selo, Svinitsa) [On some South Slavic oases in Eastern Serbia, Western Bulgaria and Romania (Vratarnica, Satu Nou, Svinitsa)]. *Zbornik Matitse srpske za filologiju i lingvistiku*. 38/2. pp. 183–207.

33. Sobolev, A.N. (1994) Timochko-luzhнички govori u juzhnoslovenskoj ch, u-zoni. *Govori prizrensko-timochke oblasti i susednikh dijalekata*. Proceedings of the Conference. Niška Banja. June 1992. Niš: [s.n.]. pp. 85–105.

34. Stanojević, M. (1911) Severno-timochki dijalekat (Prilog dijalektologiji istočne Srbije) [North-Timok dialect (Supplement to the dialects of Eastern Serbia)]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 2. pp. 360–463.

35. Dinić, J. (2008) *Timochki dijalekatski rechnik* [Dictionary of the Timok Dialect]. Belgrade: SASA Institute for the Serbian Language.

36. Plotnikova, A.A. (2004) *Etnolingvističeskaya geografiya Yuzhnoy Slavii* [Ethnolinguistic Geography of South Slavia]. Moscow: Indrik.

37. Trefilova, O.N. (2004) Etnolingvističeskie materialy iz s. Stakevtsy, rayon g. Belogradchika (Severo-Zapadnaya Bolgariya) [Ethnolinguistic materials from the village. Stakevtsy, district of Belogradčik (North-Western Bulgaria)]. In: Klepikova, G.P. & Plotnikova, A.A. (eds) *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Studies in Slavic Dialectology]. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS. pp. 354–398.

38. Miloradovich, S. (2019) Imennaya ob"ektnaya reduplikatsiya v serbskikh narodnykh govorakh: status, usloviya realizatsii i balkanskiy kontekst [Nominal object replication in Serbian vernaculars: status, implementation conditions, and the Balkan context]. *Slavia Iaponica*. 22. pp. 227–246.

39. Stanković, D.V. (2020) O imenichkoj deklinatsiji u govorima prizrensko-timochke dijalekatske oblasti [On the declension of noun in the speech of Prizren-Timok dialect region] *Bashtina. Prishtina – Leposavić*. 50. pp. 1–16. DOI: 10.5937/bastina30-25469